

**«ЮНЫЕ И НЕВИННЫЕ...»
(ребенок как устойчивый тип героя в лондонском тексте английской литературы)
О. С. Шурупова, Г. И. Коротина**

**'THE INNOCENT AND YOUNG...'
(a child as a certain type of character in London text of English literature)
O. S. Shurupova, G. I. Korotina**

Данная статья посвящена анализу Лондонского текста английской литературы, который является одним из ключевых городских сверхтекстов англосаксонской культуры и до этого практически не подвергался систематическому исследованию. Цель статьи – выявить особенности типа ребенка как устойчивого для Лондонского текста типа героя, в котором воплощается свойственное данному сверхтексту миропонимание. Автор исследует особенности репрезентации и интерпретации ключевого концепта *child*. Анализ проводится на материале произведений Д. Дефо, Ч. Диккенса, Дж. Гринвуда, Ф. Бернетт и др. В пределах данного сверхтекста концепт *child* часто реализует признак «одинокый, несчастный», а смерть маленького героя становится одним из центральных событий Лондонского текста английской литературы. Данный концепт способствует созданию смыслового пространства города, в котором соседствуют добро и зло, невинность и порок. Результаты данного исследования могут быть использованы в процессе дальнейшего анализа Лондонского текста английской литературы, а также других городских сверхтекстов.

The paper is devoted to the analysis of the London text of English literature that is one of the main super-texts in Anglo-Saxon culture. London text of English literature almost has almost never been analyzed before. The paper aims at analyzing the peculiarities of a child as one of the certain types of characters in London text of English literature, which shows the worldview of this super-text. The author researches interpretation and representation of the key concept *child* in novels by D. Defoe, Ch. Dickens, J. Greenwood, F. Burnett, etc. This concept often gains meaning of 'desolated' in London text of English literature, and the death of the young characters is often one of the main events in the super-text. This concept helps to create the urban space where kindness and innocence are almost confused with evil and sin. The results of this research can be used in further analysis of London text of English literature, and other urban super-texts.

Ключевые слова: сверхтекст, концепт, концептосфера, сверхтекстовая картина мира, Лондонский текст английской литературы.

Keywords: super-text, concept, concept sphere, super-text world picture, London text of English literature.

В настоящее время развитие лингвистики осуществляется в русле антропоцентрической парадигмы, которая ставит перед учеными новые цели исследования языка, предполагает появление новых принципов и методов языкознания. Так, важнейшим принципом современной лингвистики становится текстоцентризм. Можно с уверенностью утверждать, что естественный человеческий язык представляет собой совокупность текстов и ни одна единица языка не исползуется его носителями вне текста, где они и получают возможность реализовать свое значение и выполнить свои функции. Однако в последнее время появляется все больше исследований, посвященных сверхтекстам, то есть «открытым системам текстов, характеризующимся единой сверхтекстовой картиной мира и представляющим собой мифотектонические парадигмы» [5, с. 213]. Системы текстов, в основе которых лежат устойчивые схемы, представляются важной частью большинства культур, ключевые особенности которых они отражают. Однако до сих пор нет единого определения сверхтекста и, несмотря на существование нескольких типологий сверхтекстов, предложенных различными учеными, нет единого мнения о том, на какие группы данные системы текстов могут подразделяться. Тем не менее нет сомнений в существовании группы городских сверхтекстов, связанных с изображением нескольких крупных горо-

дов, сыгравших в развитии отечественной культуры значимую роль: Петербурга, Москвы и т. д.

Явление сверхтекста не является специфичным для русской культуры: в рамках других культур тоже создаются сверхтекстовые системы. Характерным для европейских культур является создание городских сверхтекстов, которые, как правило, организуются вокруг значимого топонима. Так, определенную роль в развитии англосаксонской культуры сыграл Лондонский текст английской литературы, который составляют произведения различных авторов: Т. Филдинга, Д. Дефо, У. Блейка, Ч. Диккенса, У. Теккерея, Р. Л. Стивенсона, Дж. Гринвуда, Э. Л. Войнич. В современный Лондонский текст входят произведения С. Кинзеллы, С. Уотерс, Дж. Фаулза, Х. Филдинг и т. д. Нередко, говоря об этом сверхтексте, исследователи ограничиваются анализом образа викторианского Лондона, который создается прежде всего в произведениях Ч. Диккенса «Очерки Боза», «Посмертные записки Пиквикского клуба», «Крошка Доррит», «Домби и сын», «Большие надежды», «Наш общий друг» и т. д. Однако, по нашим наблюдениям, основные мифологемы Лондона, нашедшие отражение в данном сверхтексте, сложились уже к XVIII в. и получили отражение в пьесе Дж. Гея «Опера нищих», романах Т. Филдинга «История приключений Джозефа Эндруса и его друга Абрама Адамса», «История

Тома Джонса, найденыша», «История жизни покойного Джонатана Уайлда Великого» и Д. Дефо «Радости и горести знаменитой Молль Флендерс...».

Благодаря анализу особенностей репрезентации и интерпретации ключевых художественных концептов сверхтекста, а также отношений между ними, возможно становится сделать вывод о существовании Лондонского текста английской литературы и возможности включения в него того или иного произведения, которое обнаруживает сходные особенности. Благодаря концептосфере Лондонского текста образуется единая сверхтекстовая картина мира, которая проявляет себя во всех его составляющих, хотя сверхтекст и претерпел достаточно глубокие изменения на протяжении нескольких веков, связанные с увеличением роли одних концептов и уменьшением значения других. Все тексты, которые можно признать единицами данного сверхтекста, составляют мифотектоническую парадигму, поскольку в них создается образ Лондона, которого, возможно, не существует в реальности, но каким он представляется английскому культурному сознанию и отразился в культурно-языковом феномене Лондонского текста английской литературы.

Подвергая исследованию тот или иной городской сверхтекст, нельзя пройти мимо его героев, которые, как правило, составляют несколько устойчивых типов. Так, среди героев Петербургского текста русской литературы выделяются устойчивые типы чиновника, сумасшедшего, самоубийцы [2], среди героев Московского текста – типы девы, матери, молодого человека [4]. Это, разумеется, не значит, что все, кто появляется в той или иной составляющей сверхтекста, непременно будут членами той или иной группы. Однако практически во всех его единицах можно встретить одного или нескольких представителей устойчивого типа личности, характерного и для других текстов, нередко созданных в иную эпоху, и объединяющего весьма различные произведения.

Разумеется, заслуживают пристального внимания устойчивые типы героев, свойственные Лондонскому тексту английской литературы. Одним из них можно признать тип ребенка. В книге Дж. Гринвуда «Семь язв Лондона» [6] упоминаются такие проблемы столицы, как нищета, проституция, преступность и огромное количество уличных детей, которые вынуждены сами зарабатывать себе на хлеб или воровать. Думается, одним из свойственных Лондонскому тексту английской литературы типов героя можно признать тип ребенка, который встречается и в некоторых других городских сверхтекстах, хотя и не является очень распространенным. Так, например, он не играет важной роли в организации Петербургского или Московского текстов, однако явно участвует в смысловой организации Киевского текста русской литературы. Однако если там ребенок обычно предстает как чистое, невинное существо, открывающее для себя мир, пусть сложный и полный противоречий, но прекрасный и чарующий своей новизной, то маленький герой Лондонского текста сталкивается, как правило, с самыми страшными и неприглядными явлениями столичной жизни. Концепт *child* получает в данном сверхтексте репрезентацию с помощью имен существ-

вительных *child (children), baby, toddler, boy, girl*, а также имени прилагательного *little*, которое нередко присутствует в названии той или иной составляющей Лондонского текста, где идет речь о детях: 'The True History of a *Little Ragamuffin*', '*Little Dorrit*', '*A Little Princess*' и т. д. Иногда в названиях составляющих данного сверхтекста встречаются и другие репрезентанты этого концепта: '*About a Boy*', '*Shopaholic and Baby*', '*Mini Shopaholic*': 'Had this been the custom in our country, I had not been left a poor desolated *girl* without friends, without clothes, without help or helper in the world' / «Будь такой обычай заведен и в нашей стране, не осталась бы я несчастной, брошенной девочкой без друзей, без одежды, без помощи или помощника» (Прим. автора: здесь и далее перевод автора) (Defoe. *Moll Flenders*); 'She had a *child* in her arms... There was no mistaking her – she was my stepmother; and the *child* in her arms – a poor *little* dirty-faced *thing* in an old bedgown, and with a rag of a shawl wrapped about her – was my own sister Polly' / «У нее на руках был ребенок... Тут не могло быть ошибки – это была моя мачеха, а ребенок, которого она держала, – бедная чумазая крошка в старой ночной сорочке, завернутая в рваную шаль – это была моя сестричка Полли» (Greenwood. *The True History of a Little Ragamuffin*); 'She was such a *little girl* that one did not expect to see such a look on her small face. It would have been an old look for a *child* of twelve, and Sarah Crewe was only seven' / «Она была так мала, что выражение ее личика могло показаться странным. Оно было бы слишком взрослым даже для ребенка лет двенадцати, а Сара Креу сравнялось только семь» (Burnett. *A Little Princess*); 'It's a *girl*. It is a *little girl*, with scrunched-up-petal lips and a tuft of dark hair and hands in tiny fists, up by her ears' / «Это девочка. Это маленькая девочка, с губками как крошечные лепестки, и с пушком темных волос, и с маленькими кулачками, которые она подняла вверх» (Kinsella. *Shopaholic and Baby*).

Данный концепт реализует в Лондонском тексте английской литературы не только присущие ему в стандартных языковой и когнитивной картинах мира признаки 'a young person', 'someone's son or daughter', 'boy or girl', 'a baby' / «незрелый», «чей-то сын или чья-то дочь», «мальчик или девочка», «младенец», но и – достаточно часто – семантический компонент 'desolated' / «одинокий, брошенный, несчастный» [7, с. 231; 8, с. 248; 9, с. 116; 10, с. 192]. Нередко он связан с концептом *homeless*. Кроме того, в пределах романа Н. Хорнби «Про одного мальчика» концепт реализует признак 'an adult who behaves in ways that are not reasonable or sensible' / «взрослый, который ведет себя неразумно».

Как утверждает П. Акройд, «история детей в Лондоне дает очень много пищи для размышления. В их смертности, в их жестокости, в их игровом инстинкте проявляются могучие силы города» [1, с. 720]. К данному типу относятся, например, Оливер Твист из одноименного романа Ч. Диккенса, маленькая Нелл из романа «Лавка древностей», Поль и Фрэнсис Домби из романа «Домби и сын», а также героиня его другого произведения крошка Доррит, которая выросла и получила воспитание в лондонской долговой тюрьме, Джим, герой повести Дж. Гринвуда «Подлинная ис-

тория маленького оборвыша», и его друзья Рипстон и Моулди, Сара Кру из повести Ф. Бернетт «Маленькая принцесса». Роман Ч. Диккенса «Домби и сын» не случайно начинается со сцены появления на свет маленького Поля, которому, однако, суждено умереть ребенком. Смерть ребенка становится одним из центральных событий целого ряда составляющих Лондонского текста английской литературы. Погибают Моулди («Маленький оборвыш» Дж. Гринвуда), маленькая Нелл («Лавка древностей» Ч. Диккенса), узнает о смерти лучшего друга Оливер Твист из одноименного романа Ч. Диккенса и т. д.

Многие из представителей данного типа являются сиротами, потерявшими одного или обоих родителей и вынужденными самостоятельно преодолевать не легкие преграды на жизненном пути. Практически ко всем маленьким героям данного сверхтекста относятся слова, которые произносит герой романа Ч. Диккенса «Лавка древностей»: 'It always grieves me to contemplate the initiation of children into the ways of life... It checks their confidence and simplicity – two of the best qualities that heaven gives them – and demands that they share our sorrows before they are capable of entering into our enjoyments' / «Мне всегда печально думать о том, как дети сталкиваются с жизненными невзгодами... Это убивает в них доверчивость и простоту – лучшие качества, дарованные им Богом, – и заставляет их разделить невзгоды взрослых, радости которых им еще недоступны». Исключением являются, пожалуй, дети из сказочной повести П. Трэверс «Мэри Поппинс», Флер Форсайт, а также ее сын Кит Монт из «Саги о Форсайтах» Дж. Голсуорси и маленькая Минни из романа С. Кинзеллы «Минишопололик», однако и на их долю выпадают различные горести. Так, например, на судьбе маленького Кита не могут не отражаться моральные страдания его матери, на долю Минни выпадают непонимание и недоверие окружающих, даже родного отца, который, считая ее чрезмерно избалованной, хочет отправить девочку в исправительный лагерь для непослушных детей, а маленькие Бэнксы в конце концов теряют любимую няню и тоже проливают немало слез. Лондонская действительность страшна и безжалостна, и этих детей ожидает много горя. Как пишет П. Акройд, «все слезы лондонцев по поводу смерти маленькой Нелл, вся жалость читателей к невинно умирающей провоцировались окружением – городом, который викторианцы создали своими руками. Они плакали над судьбами всех..., с которыми исполинская столица обошлась предательски» [1, с. 715].

Думается, в полной мере отношение Лондона к представителям данного типа героев выражено в произведении Р. Л. Стивенсона «Странная история Доктора Джекилла и мистера Хайда», зловещий герой которого сбивает с ног девочку восьми-девяти лет и спокойно проходит по ее распростертому на земле телу, направляясь по своим делам. '...The man trampled calmly over the *child's* body and left her screaming on the ground. It seems nothing to hear but it was hellish to see. It wasn't like a man; it was like some damned Juggernaut' / «Человек спокойно перешагнул через тело малышки, оставив ее плачущей на земле. На слух это не кажется ничем особенным, но видеть это зрелище

было ужасно. Он был словно не человек, а какой-то проклятый Джаггернаут». Ребенок встречается нам и в единице Лондонского текста XVIII в. – романе Д. Дефо «Радости и горести знаменитой Молль Флендерс...», главная героиня которого остается на улицах Лондона одна еще совсем маленькой девочкой (возможно, память о собственных несчастьях удерживает ее впоследствии от убийства ограбленного ею на улице ребенка), и в современной его составляющей – романе Дж. Фаулза «Любовница французского лейтенанта», герой которого, оставшись один в жилище падшей женщины, находит там ее крошечную дочь. 'The little *girl* had evidently wakened... She was one of those pudgy-faced Victorian *children* with little black beads for eyes' / «Малютка явно проснулась... Это был типично викторианский ребенок, с пухлыми щечками и крохотными черными бусинками глаз». Эту девочку, пока еще крошечную и не понимающую, что происходит вокруг, вряд ли ожидает что-то доброе. Лишенная отца, рожденная во грехе и позоре, дочь несчастной падшей женщины, эта героиня Лондонского текста, почти несомненно, пойдет по стопам своей матери. Ребенок в Лондонском тексте всегда олицетворяет чистоту, невинность, всегда противопоставлен жестокому и суровому окружающему миру. Так, в романе современного автора Н. Хорнби «Про одного мальчика» перед читателем предстает школьник Маркус, не понятый окружающими, чужой для всех, даже – в определенной мере – для собственных родителей и глубоко несчастный. Он пытается вести себя как взрослый, продолжая, таким образом, галерею маленьких героев Лондонского текста, преждевременно повзрослевших и ставших серьезными: Дженни («Наш общий друг» Ч. Диккенса), Эмми Доррит («Крошка Доррит» Ч. Диккенса), Сара («Маленькая принцесса» Ф. Бернетт).

Концептосфера Лондонского текста отличается достаточным разнообразием, и благодаря ей формируется особая сверхтекстовая картина мира, исследуя особенности которой, можно сделать вывод, что в Лондонском тексте английской литературы отразились мифологемы города, связанные с его восприятием как великой столицы, но в большей степени опасного, преступного места, двойственного пространства, в котором соседствуют богатство и нищета; хрупкая невинность и порок; теплые семейные гнезда и холодные, мрачные улицы, по которым одинаково одетые служащие каждый день отправляются на работу в Сити. Это пространство, существование которого определяется вечным конфликтом между однообразным и разнообразным, яркими возможностями, которые предоставляет жизнь, и мертвенным стилем жизни, свойственным Сити.

В Лондонском тексте отражается миропонимание англичанина, чувства человека, который не представляет своей жизни без Лондона, противоречивого города, которому «по самой природе его свойственно содержать в себе все» [1, с. 878]. Думается, исследование данного сверхтекста приобретает особую важность в наше время, в ситуации культурного самоопределения народов, когда под влиянием процессов глобализации может происходить нивелирование национальных культур, превращение их в некий усред-

ненный общечеловеческий суррогат, лишенный национальных особенностей видения мира [3, с. 255]. Анализ особенностей Лондонского текста английской литературы, воссоздание сверткстевой картины мира, которая создается в многочисленных произве-

дениях, входящих в него, дает возможность постичь сходство и различия между столичными сверткстемными разными культурами и ощутить их уникальность и неповторимое богатство.

Литература

1. Акرويد П. Лондон: биография / пер. с англ. В. Бабкова, Л. Мотылева. М.: Издательство Ольги Морозовой, 2005. 896 с.
2. Йэн К. Лилли. Ростовщики «Петербургского текста» // Известия Академии наук. 1997. Т. 56. № 1. С. 36 – 42. (Серия: Литературы и языка)
3. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации: учеб. пособие. М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2007. 286 с.
4. Шурупова О. С. Московский текст русской литературы и его герои // Русская речь. 2011. № 1. С. 97 – 102.
5. Шурупова О. С. Текстовая и сверткстевая картины мира как объект филологического изучения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 3(21). Ч. 2.
6. Greenwood J. The Seven Curses of London. URL: <http://www.onread.com> (дата обращения: 08.05.2013).
7. Longman Dictionary of English Language and Culture. Third Edition. Great Britain: Pearson Education Limited, 2005. 1620 p.
8. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Second Edition. Oxford: Macmillan Edition, 2007. 1748 p.
9. Manser M. H., Turton N. D. The Wordsworth Advanced Learner's Dictionary // Wordsworth Reference. 1998. 839 p.
10. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Fifth Edition. Oxford: Oxford University Press, 1995. 1428 p.

Информация об авторах:

Шурупова Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Липецкий филиал), shurupova2011@mail.ru.

Olga S. Shurupova – Candidate of Philology, Senior Lecturer at the Department of Humanities and Natural Sciences, Academy of National Economy and State Service under the President of the Russian Federation (Lipetsk branch).

Коротина Галина Ивановна – старший преподаватель кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Липецкий филиал), aekk@mail.ru.

Galina I. Korotina – Senior Lecturer at the Department of Humanities and Natural Sciences, Academy of National Economy and State Service under the President of the Russian Federation (Lipetsk branch).

Статья поступила в редколлегию 18.02.2014 г.